

Н.М. Солнцева

Марийские народные песни в переводе С. Клычкова

Аннотация: Мотивы марийских народных песен, включенных С.А. Клычковым в книгу его поэтических переводов «Сараспан», отражают этническую ментальность и универсальный эмоциональный мир человека. Мифологичное сознание, национальный характер, быт, запечатленные в песнях, коррелируют с содержанием произведений эпических жанров, но, окрашенные лиризмом, отличаются от общепринятых представлений о нраве, привычках, этике мари. В содержании песен доминируют интимные переживания человека. В статье оговариваются принципы перевода, изложенные Клычковым в ряде статей.

Ключевые слова: мари, миф, народные песни, перевод, фольклор, этнокультура

Abstract: The motives of Mari folk songs, included by S.A. Klychkov in the book of his poetical translations “Saraspan”, represent the ethnic mentality and universal emotional world of man. Mythological consciousness, national character, way of life, depicted in songs, correlate with the content of the epic genre works, but because of the lyricism they differ from the generally accepted ideas about the character, habits, ethics of Mari. The content of the songs is dominated by intimate human experience. The article specifies the principles of translation outlined by Klychkov in his articles.

Key words: Mari, myth, folk songs, translation, folklore, ethnic culture

Марийскими народными песнями (*муро, мыры*) открывался сборник переводов С.А. Клычкова «Сараспан» (1936). В 1930-е гг. ни проза, ни поэзия Клычкова, писателя «кулацкой» репутации, не появлялась в печати, и Горький посоветовал ему взять в Гослитиздате подстрочники. В «Сараспан» вошли помимо перевода марийских песен переводы и вольная обработка песен узбекского эпоса «Мудрец Эдыга», поэзии Ш. Руставели, Б. Ишемгулова, А. Церетели, В. Пшавела, Г. Леонидзе. Практически все тексты – о своеобразии и красоте почвенной, национальной культуры, потому, скорее всего, книга и была названа по имени коня хана Тохтамышша из легенды о мудреце Эдыге; этот конь отличался исключительной силой, был прекрасен: «То был конь у Тохтамышша, / Нет теперь таких коней: / Ростом много юрты выше, / А каких кровей – огней! / Грива – мягче льна / И шелка / Зрак – восходная луна / <...> степь покроет, словно дымом / На ветру, густым хвостом...» и т. д.¹

¹ Клычков С. Сараспан: Стихи. Обработка фольклора и переводы / Предисл., коммент. В. Морозова. М.: Голос-Пресс, 2009. С. 121.

Начало марийской письменности относят к 1775 г., переводы Клычкова появились незадолго до официального оформления в 1938 г. марийского алфавита. У нас нет сведений, был ли проведен отбор подстрочников. Если был, то мы не знаем, насколько он субъективен и в какой мере состав песен был рекомендован редакцией, но очевидно, что их содержание ориентировано на этноменталитет. У Клычкова серьезный опыт переводов фольклорных произведений. Среди них опубликованная в 1936 г. глава «Алмамбет и Алтынай» из, как он писал, «грандиозного памятника народного творчества»¹ – «Манаса». Или выполненный по заказу «Нового мира» перевод сказаний, шаманских песен вогулов (манси) «Мадур-Ваза победитель» (1932), в основу которого положены произведения, собранные М.А. Плотниковым и сведенные им в поэму «Янгал-Маа» (1918). Фольклорная поэтика сильна в ранней лирике самого Клычкова. Как переводчика народной поэзии его привлекали уходящие в прошлое представления о мире и человеке. Он был творчески увлечен и образами, и сюжетами, и обрядами, и этическими традициями, и национальной историей народов СССР. Приведем фрагмент из воспоминаний Н.Я. Мандельштам: «Клычкова очень рано отстранили от редакционной работы, потому что по своей мужицкой природе он не мог стать чиновником и хлопотать о чистоте надстройки. Жил он переводом какого-то бесконечного эпоса, а по вечерам надевал очки с отломанной лапкой – он привязывал вместо нее веревочку – и читал энциклопедию, как ученый сапожник – Библию»².

В предисловии к «Сараспану» Клычков изложил свои принципы художественного перевода. В итоге переводчику следует представить «подлинное живое поэтическое слово», а не «ученый архив этнографического музея»³. Клычков исходил из того, что априори невозможно точно сохранить поэтику подлинника и что интерпретация оригинала неизбежна. Он был особенно внимателен к той специфике текста, которую профессионал примет за ошибку оригинала, но которая по сути «составляет наибольшую ценность с точки зрения поэтического перевоплощения»⁴. Клычков, как и в ряде других статей («Лысяя гора», 1922–1923; «О лягушках и устрицах», 1934), убеждал воспринимать слово в контексте, видеть, как оно «брачует»⁵ с другим словом, поскольку нет слов плохих или хороших, как нет плохих или хороших рифм. Существенная оговорка: *брачевание* слов в каждом языке «подчиняется своим правилам и законам»⁶. Клычков писал о проблеме коммуникации своей и чужой речевой специфике: «выражая в полноте чужое, необходимо не потерять своеобразие своего собственного творческого лица, своей собственной стихии слова»⁷. И еще: составитель подстрочника в идеале должен обладать «интуицией, инстинктом языка»⁸, но на практике подстрочники порой грешат отсутствием смысла.

Марийцы (или ранее распространенный в русском узусе и не принятый ими этноним черемисы) – финно-угорский народ, как обращенный в православие, так и

¹ Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина, при участии Г. Маквея; вступ. ст. Н.М. Солнцевой. Т. 2. М.: Эллис Лак, 2000. С. 534.

² Мандельштам Н.Я. Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин; вступ. ст. П. Нерлера. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамовского об-ва, 2014. С. 350.

³ Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. С. 535.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 536.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 537.

верный своей этнорелигии. В «Сказании о царстве Казанском» (XVII) говорится: «Живяху же за Камою рекою, въ части земля своя, Болгарскіе князи и варвари, владеючи поганымъ языкомъ Черемискимъ, незнающе Бога, никоего же закона имущи; обои же бяху служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя царя»¹. В «Сараспане» такого рода brutальных характеристик, конечно, нет. Двенадцать песен выстраиваются от картины ойкумены до выражения эмоционального мира лирических персонажей.

Первая песня «Есть страна на свете по прозванию Элнэт...» – об этнически окрашенном топосе. Элнэт (Илеть), левый приток Волги, – маркер марийского мира, к нему обращалась и книжная литература (например, роман С. Чавайна «Элнет»; первая часть издана в том же 1936 г.). В песне Элнэт – пространство, в котором сконцентрированы распространенные архаичные мифологемы марийского фольклора: дерево, гора, река.

Читаем: «Есть сосна в Элнэте, и другой на свете нет... / У сосны красны и крепки сучья и кора, / Так сосна стара, что не боится топора...»². Сосна здесь символ витальной силы. Обозначенные в трех строках черты дендронима говорят о вертикальном устройстве мироздания. Сосна в этой песне космогонична, как и в марийских сказках, где она, «на перепутье в чистом поле», знаменует срастание неба с землей³. Отметим, что в сказках она еще и мистична: «на вершину ее в вечерний час, час пророчеств и заклиний, нисходит бог судеб Пюрышо – подумать о судьбах мира, послушать тишину земли, дыхание жизни»⁴. Таким образом, в поэтических представлениях марийцев сосна включена в процесс мирообразования. Очевидно, мотив силы и долголетия сосны, обозначенный в песне, коррелирует с семантикой леса в марийских сказках как места, где течет живая вода.

Водные стихии в марийском фольклоре имеют свои мифологические воплощения (например, хозяин водных пространств Йомшоэнгер), с горами связаны сюжеты о мироустройстве и миропорядке (великану Онару набился в лапти песок волжских берегов, он его вытряхнул, и образовались курганы, холмы; легендарный князь Чумбылат завещает похоронить себя на вершине горы, и люди приходят к ней просить высшие силы о помощи). В песне «Есть страна на свете по прозванию Элнэт...» река – обозначение горизонтальной координаты ойкумены и характеристика ее просторов: «А река Элнэта широка и велика, / Сдалека бежит она, как ночь, темна и глубока...»⁵. Гора в этой песне «тучей залегла в простор»⁶. Здесь очевидна семантика света, как и в песне «Солнце встало поутру...»: «На горе да на юру / Все-то золотое», но в ней солнце еще и образ текучего времени: «Солнце встало поутру / С золотой трубою»; оно же «Опустилось ввечеру / Светлой головою...»⁷. Или в песне «Веселый день, весенний день...»: «По лугу в шапке набекрень / Весь день гуляет солнце...»⁸. В марийских песнях, отобранных для «Сараспана», светило – образ онтологического смысла, что, на наш взгляд, соотносится с сюжетом легенды об обретении народом новой родины: теснимые руси-

¹ drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php (дата обращения: 10.03.2017).

² Клычков С. Сараспан. С. 23.

³ Симонова О.Е. Древесная символика марийского сказочного фольклора // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1059.

⁴ Спиридонов А. Югорно. Марий эпос // Марийский мир. 2010. № 2. С. 48.

⁵ Клычков С. Сараспан. С. 23.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Там же. С. 33.

чами и булгарами, мари́йцы испросили у Солнца разрешение следовать за ним на запад – к благой земле, где оно заходит и проводит ночь, в страну вечнолазурных вод, с густыми по пояс травами, с листьями цвета изумруда, золотыми, как солнце, плодами. Образы космогонического смысла не могли не привлечь Клычкова: в его романах мир природоцентричен, мысли героев обращены к космосу.

Мотивы песни «Есть страна на свете по прозванию Элнэт...» предопределяют образные ряды последующих песен, но наделенных иной – лирической – коннотацией. Так, дендронимы в них использованы для описания психологического и внешнего портретов. Параллелизмы обеспечивают лаконизм описания при сохранении точности и глубины характеристик: «Свет ты матушка-березка, / Батюшка-осинка! / У снохи пряма заческа, / У ольхи – вершинка! / У ольхи и листья грубы, / И цветы – отравы! / Не сломить сучка у дуба, / А у братца – нрава...»; березка либо «матушка болезная», либо ассоциируется с Палашей, на ней «Заря, / Как сарафан, / Как в старину носили»; милый встанет «черемухою гибкой» над могилой девушки; созревание яблок – «Счастлиное время в году»¹. Интимный смысл привнесен и в образ бора: «Посредине поля бор, / А в бору криница... / Пospрошу, до коих пор / Будет сердце биться?»², что свойственно жанру лирической песни, но не мари́йским легендам бытийного содержания (великан Онар перешагивает через лес, через дубы и сосны; в лесах живут лесные духи или ведьмы овды, покровительница леса Кожла и покровитель лесных зверей Кожла-Юмо и проч.).

В подавляющем большинстве песен показан менталитет мари. А.И. Герцен («Вотяки и черемисы», 1838) писал об их упорстве, привязанности к обычаям и своей религии, физической силе. Из содержания песен ясно, что фольклорный герой привлёк Клычкова поэтичностью языка и ассоциативностью восприятия, афористичным мышлением, темпераментом, сочетанием грусти, гедонизма и самоиронии. И хотя первую песню венчает характеристика «А народ живет в Элнэте, исстари хитер: / У двери всегда топор, а на душе затвор...»³, в последующих песнях – и сугубо лирических, и сюжетных – мы видим откровение и простодушие персонажей.

В мари́йском фольклоре доля женщины, девушки незавидная: «Достанется заетейница / Не мужу в подовиннике, / Не в роще любовнику – / Кельмезскому кулаку / Батрачкой на току»⁴. Она сиротинка, не знает ласки в семье брата, предчувствует свою скорую гибель, в ее жизни – невзгоды, ее душевное состояние – как непогода. Конечно, она влюблена и ожидает милого, потому в убранстве ее постели есть лишние подушки. Мари́йские женщины труженицы, на пашне работают до пота, но умеют и веселиться: в доме батюшки и едят вдоволь, и пляшут; они хотят насладиться жизнью, и это у них получается: возвращаясь от батюшки, они потеряли чеботы, но – «Пусть ругаются мужья: / Жить не два же века»⁵. Созданный в песнях образ не отличается сдержанностью, или расчетливостью, или экономностью, на которые указано в работах о менталитете мари (см.: Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2002). Ничего этого в песнях мы не находим. Как отмечалось специалистами, «в этническом сознании мари запреты занимают важное и прочное место и однозначно воспринимаются как самостоятельный

¹ Там же. С. 26, 33, 34.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 31.

жанр фольклора»¹. В подборке песен «Сараспана» нет ни жанра запрета (ойбөр), ни мотива запрета – ни в его религиозной коннотации, ни как проявление суеверия (см.: *Евсеев Т.Е.* Обычаи, верования и суеверия марийцев // *Марий Эл.* 1927. № 10. С. 51–63). У девушек из песен, напротив, есть желание украсить себя, они отнюдь не аскетичны. Герцен обратил внимание на красивую одежду женщин: вышитое шелком платье, головной убор конической формы, множество кисточек на поясе. Среди переведенных Клычковым песен есть одна, в которой говорится о «грудном украшеньнице» (24).

Достаточно лиричен в марийских песнях и мужчина. Он способен на сильное чувство, впечатлителен, но и разумен. Так, он видит девушку, и проза повседневности преобразуется: «И зацвели тут маки / По юбке и по саду»². Он влюблен в «чернавку», «милашку», решается на женитьбу, но не идеализирует семейного со-существования: «Поглядим в глаза друг дружке, / Чтобы слезы по подушке / Пока-тились из глаз: / Горю – время, счастью – час!»³. В женских персонажах не замечено философского осмысления жизни, мужские персонажи облекают в афористичную форму свои взгляды и на смерть, и на жизнь: «Что за мост, коли в реке / Не задеть опорка... / Есть ли надобность в клюке, / Чтоб забраться в горку? / Ни к чему со-всем мосток, / На рожна и клюшка... / А прожить недолгий срок / Не нужна / Под-ружка»⁴. Не замечено в песнях и расчетливости марийца. Напротив, он бескорыстен в дружбе: «В дружбе жить – / Не значит быть / В долгу!»⁵.

В марийских песнях, вошедших в состав «Сараспана», есть мотивы обрядо-вых (свадебные, поминальные) и необрядовых (сиротские, трудовые, бытовые, любовные) песен, но в них нет социально-исторических мотивов (например, о присоединении к Руси или противостоянии татаро-монгольскому нашествию, о миграции мари и др.). Но в них достаточно полно показан, во-первых, личный эмоциональный мир мари и, во-вторых, универсальность чувств, не обусловлен-ных национальной принадлежностью. В целом их мотивы и образы созвучны рус-ским народным песням.

ЛИТЕРАТУРА

Абукаева Л.А. Запреты в системе жанров марийского фольклора // *Вестник Марийско-го гос. ун-та.* 1926. Т. 10. № 3(23). С. 35–38.

Мандельштам Н.Я. Собр. соч.: В 2 т. / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрей-дин; вступ. ст. П. Нерлера. Екатеринбург: Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамов-ского об-ва, 2014. Т. 1. 864 с.; Т. 2. 1008 с.

Клычков С. Сараспан: Стихи. Обработка фольклора и переводы / Предисл., коммент. В. Морозова. М.: Голос-Пресс, 2009. 160 с.

Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Суббо-тина, при участии Г. Маквея; вступ. ст. Н.М. Солнцевой. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 656 с.

Симонова О.Е. Древесная символика марийского сказочного фольклора // *Вестник Башкирского университета.* 2012. Т. 17. № 2. С. 1056–1060.

¹ *Абукаева Л.А.* Запреты в системе жанров марийского фольклора // *Вестник Марийского гос. ун-та.* 1926. Т. 10. № 3(23). С. 36.

² Клычков С. Сараспан. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 32.

Сказание о царстве Казанском: drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php

Спиридонов А. Югорно. Марий эпос // Марийский мир. 2010. № 2. С. 46–59.

REFERENCES

Abukayeva L.A. Bans in the Genres of Mari Folklore. *Bulletin of the Mari State University*. 1926. Vol. 10. No 3(23), pp. 35–38.

Mandelstam N.I. The Collected Works: In 2 vols. / Eds. S. Vasilenko, P. Nerler, Y. Freidin; article by P. Nerler. Ekaterinburg: GONZO Publ., Mandelstam Society. 2014. Vol. 1. 864 p.; Vol. 2. 1008 p.

Klychkov S. Saraspan: Poems. Translations / Article, comments by V. Morozov. Moscow. Golos-Press Publ. 2009. 160 p.

Klychkov S. The Collected Works: In 2 vols. / Composition, comments M. Nicker, N.M. Solntseva, S.I. Subbotin, G. McVeigh; article N.M. Solntseva. Moscow. Ellis Lak Publ. 2000. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 656 p.

Simonova O.E. Tree Symbols of the Fairy Tale Folklore of the Mari. *Bulletin of the Bashkir University*. 2012. Vol. 17. No 2, pp. 1056–1060.

The Story of Kazan Kingdom: drevlit.ru/texts/k/kazan_tsarstvo1.php

Spiridonov A.A. Ugorno. Mary's Epos. *The Mari world*. 2010. No 2, pp. 46–59.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

MARI FOLK SONGS IN TRANSLATION BY S. KLYCHKOV